

Анна Стреминская

Пасхальные перезвоны

* * *

Дело муравья – нести соломинки, палочки, прочий
строительный сор,
чтобы строить свой дом – не пришли чтоб
разбойник иль вор,
не украли бы яйца, детей и имущество муравья.
Дом должен быть крепок – старается он не зря.
Тащи, муравей, букашек и крошки в свои закрома,
покуда ковид иль чума тебя не свели с ума.
Покуда огонь не съел твой шумящий лес,
тебя Бог не выдаст и дикий кабан не съест.

Покуда шальная вода не вышла из берегов,
сделай крепкую дверь, запирай ее на засов.
И пока не пришел чужой кирзовый сапог
и не снес твой дом – защищай, помоги тебе Бог!

Рассади детей на скамейке возле окна
и читай им сказки без грязного слова «война».
А убежище для муравья – это целый лес.
Сохрани тебя Бог, покуда ты не исчез!

Поэту Надежде Агафоновой

Черное небо войны, белые абрикосы,
белая церковь на черном – приют надежды.

Взрывы над головою, взрывы в душе –

вопросы:

как? отчего? зачем? будет ли так, как прежде?

Как прежде – уже не будет! – ответ приходит

мгновенно.

Есть то, что нельзя простить! – то кровь вопиет

невинных.

По каплям непобедимость вводится внутривенно.

Из дыма и копоти над головами реют святые

нимбы.

И ты удостоена нимба над золотой головою,

когда ты погибла весною в городе Николая

святого. Поэзия нынче равна утробному вою.

Нет места весне и птицам, лишь помесь воя и ляя.

Белая церковь на черном – это приют Надежды,

я верю, что есть тебе место в небесном Иерусалиме.

Без пятен крови и гари твоя одежда,

ее от боли и горя уже облака отбелили.

А там по приказу маньяка посланная ракета

в доме дыру пробила страшным черным вопросом.

В доме, где ты была... И нет на него ответа.

На черном небе войны – белые абрикосы.

* * *

Одесситкам, погибшим 23 апреля во время ракетного обстрела

Пасхальные перезвоны
под вой воздушной тревоги.

Уходят в небо мадонны,

и переплелись их дороги.

Одна в ожидании первенца,

другая уходит с младенцем.

Господь удостоит венца
обеих. Дитя под сердцем
уже в ожиданье забилось –
идут к небесным чертогам –
Валерия и Людмила
по легким воздушным дорогам.
Вокруг бушует цветенье,
как только бывает в апреле –
всех красок земных смешенье.
И хочется жить на пределе!
Но вой тревоги, как стоны,
как вой библейского зверя.
Пасхальные перезвоны,
спасите нас от неверья!
И сколько ни сеяли смерть бы,
но снова родится мальчик,
и победят ветви вербы,
и победит одуванчик!

* * *

То соборы взрывают, то памятники летят.
У каких швейцарий нам одолжить покоя?
Не умеем жить – лишь бросаться из рая в ад.
Только небо над нами легкое, голубое...

Здесь земля такая, что бургером жить нельзя –
только метаться от Бога до воздушной тревоги.
Через арену битвы проходит наша стезя,
и месяц на это смотрит смешной, двурогий.

Где, у каких голландий нам одолжить любви?
Там храмы стоят пустые, у нас взлетают на воздух!
В этих краях что ни Спас – обязательно на крови.
И смотрят на это глазами холодными звезды.

Но в памятниках – города история и душа.
И чем ломать, не лучше ли преумножить?
Где Украинка Леся с оружием карандаша?
В этом краю поэтов она не чужая тоже!

Где Вороному памятник, Лыпам – отцу и сыну?
Не лучше ли созидать, чем эти до хрипов споры?!
Какие закаты в Одессе красивые ныне...
Как розовый мрамор взорванного собора!

* * *

То ли птицы, то ли ракеты летят на юг –
смотрю я на небо сквозь листву винограда.
То ль журавли кричат, то ль воздушной тревоги
звук.
То ли готовить обед, то ль в укрытье скорее надо.

То ли листвы пожар, то ли каплет на листья кровь.
То ли осенний гром, то ли бомбежка рядом.
То ли жизнь суровой свекровью нахмурит бровь,
то ль война улыбнется беззубо среди грязи и ада.

Мы все – пластилин Господень, и если что –
Господь налепит других и лучше, чем прежде.
Из комка пластилина, может быть, выйдет то,
что принесет победу, радость, надежду.

* * *

Там мосты разлетаются вдребезги,
стекла чьих-то домов.
А у нас во дворе одуванчики, чистотел.
Крыши сносит чьих-то домов и голов,
и лежат штабеля неопознанных чьих-то тел.

А у нас во дворе лето вовсю поет
и соседка развешивает белье.
И котята прыгают круглый год.
Солнце щедрое золото льет и льет.
Ну а там города застыли, как призраки, вдоль весны
и встречают лето глазами черных окон.
Города, погруженные в слишком страшные сны,
погруженные в дымный и черный кокон.
А у нас играют дети в светлом дворе
и дают имена котяткам, и все как прежде.
Пусть задержатся дети в этой своей игре,
пусть они не узнают, как сгорает надежда.
А недавно сосед увидел в небе ракету,
она летела, подобная хищной и черной птице.
Потом был огонь и грохот посреди горячего лета,
и сыпалась штукатурка сверху на половицы.
Ракета попала рядом, не в наших детей и кошек,
не в нашего дядю Колю, не в тетю Милу.
И каждый был счастлив, и счастье ль бывает больше,
чем знать, что в тебя не попали, что пролетело мимо...

* * *

Кто отнимает свет, тот погибнет во тьме,
кто отнимает воду – умрет от жажды.
Кто отнимает тепло, тот застынет в зиме –
во вьюжной зиме он застынет навеки однажды.
Мрак, беспроглядная темень у нас кругом.
Тьму разгоняют лишь звонки телефонов.
Ночью чернильной наполнен остывший дом,
для огоньков свечей он является фоном.
Только глаза и ладони, и голоса,
звуки шагов, смех и шепот, шутки и пенье
дом наполняют теплом. А если слеза –
то пусть лишь только на свечке – как символ терпенья.

Все наносное ушло за минуту иль час,
древний огонь свечи так пронзительно ясен.
И только сейчас понимаешь, как каждый из нас
невыразимо прекрасен.

* * *

Когда-нибудь мрак черный станет мелом,
а время сумасшествие излечит.
А время к нам придет в халате белом
и приобнимет дружески за плечи.
И все герои возвратятся в семьи
иль упокоятся в селеньях рая.
А в души детские забросят семя
историки, ложь с правдою мешая.
И будет вдоволь золотого света,
и будет вдоволь золотого хлеба.
А песня ненависти будет спета.
Но будет чистота степного неба!
А души всех убитых и отпетых
на палачей взирать спокойно будут с неба.
И будет вдоволь золотого света,
и будет вдоволь золотого хлеба!

* * *

Я родилась – был мартовский денек
из тех, что душу бередят и вынимают.
Шел на Земле терпения урок.
То равноденствия был день, насколько знаю.
Все пробуждалось, шла зима на слом,
весенними цветами пахнул воздух.
И хорошела девушка с веслом,
и молодились пожилые звезды.
Был мир прекрасен: солнце, море, дом,
что пирогами и вареньем полон.

Был мир враждебен: «иродами» в нем
нас называли в яслях безволхвовых.
Но я тянулась к слову с первых лет:
в год говорила, азбуку в четыре
постигла я, и мне зажегся свет
совсем другой – в прекрасном зыбком мире.
И я была оттуда, я из книг
лишь возвращалась, и была я странной
для всех подруг. А счастья острый миг
мог быть в уединении желанном.
И более всего я постигала
науку быть изгоем. Ты – чужая! –
мне говорили поздно или рано.
И ни в одну не принимали стаю.
Но это было звездное изгойство –
я мыслить начала и видеть не грехи,
а красоту людей и мира свойства.
Так приходили первые стихи.

